

О действии, реакции и деспотизме

«Лекции по политическому праву», прочитанные Хуаном Доносо Кортесом в мадридском Атенео в 1836–1837 гг., важны для нас сразу по нескольким причинам, поскольку этот текст, во-первых, маркирует значимый этап в эволюции философских и политических взглядов испанского мыслителя и, во-вторых, представляет собой прекрасный образец либерально-консервативной мысли первой половины XIX в., — образец, не известный до сего дня отечественному читателю. Ранее на русском языке публиковались первая и вторая лекции из данного цикла, посвященные разъяснению понятий общества и правительства (Доносо Кортес, Василенко, 2015b) и народного суверенитета (Доносо Кортес, Василенко и Марей, 2015a). Сейчас мы предлагаем читателю третью лекцию, в которой автор развивает свою теорию деспотизма.

Вышедшая в данном номере журнала обширная статья переводчика третьей лекции ЮРИЯ ВАСИЛЕНКО, посвященная историческому контексту «Лекций...» и биографии Доносо Кортеса, позволяет нам не пересказывать здесь жизненный путь знаменитого испанского консерватора, а обратить внимание на один из аспектов его идей. Прежде всего, речь пойдет о «действии» и «реакции»¹ — паре понятий, вокруг которых он выстраивает, по сути, всю свою теорию общества и правительства. Под конец размышления о действии мы скажем несколько слов о теории деспотизма, разработанной Кортесом.

В самом начале первой лекции Доносо Кортес вводит понятие действия, которое становится ключевым для всей его последующей теории. Понятие *реакции* в первой лекции им не используется, оно вводится только во второй и активно используется в дальнейших лекциях — прежде всего, со второй по шестую. Нужно учесть при этом, что первая лекция имеет во многом установочный и нормативный характер и посвящена, как уже говорилось, анализу понятий «общество» (*sociedad*)

¹О понятии «реакции» и его появлении и развитии в языке европейской политической философии см. недавнюю статью А. Ф. Филиппова: Филиппов, 2017. Также см. классическую книгу Ж. Старобинского: Старобинский, Шестаков, 2008.

и «правление/правительство» (*gobierno*), в то время как в лекциях 2–6 разбираются различные формы возможных социальных и политических патологий, такие как народный суверенитет, деспотизм или божественное право королей. Это наводит на мысль, что, в отличие от *действия*, имеющего нормативный характер, само наличие *реакции* свидетельствует уже о нарушении нормы. Однако возводить данное предположение в ранг утверждения было бы несколько преждевременно.

Концепт действия служит Доносо Кортесу прежде всего для того, чтобы определить правление, которое описывается как «социальное действие, или, если угодно, само общество в действии» (Доносо Кортес, Василенко, 2015b: 33). отождествление правления с категорией социального действия позволяет испанскому философу обосновать необходимость правительства как института для существования любого человеческого общества. Общество, по его утверждению, не может существовать без действия, — любое же действие общества будет по определению социальным. Одновременно с этим общество само по себе является «началом, целью и пространством социального действия», что объясняет, с одной стороны, органическую природу правительства и, с другой, невозможность его существования без общества².

Доносо Кортес подробно рассматривает и созидательный характер действий правительства. Само понятие «действие» в данном случае передается двумя испанскими словами: *acción* и *obra*; второе слово из двух, чаще используемое для передачи понятий «труд» и «работа», означает не просто действие или деятельность как процесс, но действие созидательное, устанавливающее некую новую реальность или создающее некий новый объект. Таким образом, вся деятельность правительства исходит из интересов общества, направлена на достижение для него пользы и имеет своей главной целью сохранение общества. Концепт «сохранения» употреблен нами не случайно — в «Лекциях...» Доносо Кортес неоднократно настаивает на том, что суть действий правительства состоит в *сопротивлении* центробежным силам, грозящим превратить общество в собрание независимых друг от друга индивидов. Сдерживая то, что Кортес называет «законом свободы» или «законом индивида», правительство никогда не должно переходить в атаку и заменять его «законом ассоциации», так как в противном случае оно рискует превратиться в тиранию или — для Кортеса это синонимы — в

²В современной испанской политической философии эта точка зрения активно отстаивается Далмацио Негро Павоном. См.: Negro Pavón, 2010.

деспотизм восточного типа (Доносо Кортес, Василенко и Марей, 2015а: 81). Иначе говоря, в глазах испанского философа идеальным правительством является *охранительное*, а идеалом социального действия — *сдерживание* индивидуальных активностей в той мере, в которой они начинают угрожать единству социума. Такое действие всегда полно и самодостаточно, оно не нуждается в дополнениях и, что важно, не порождает собой *реакции*.

В противовес действию, *реакция* для Доносо Кортеса всегда либо неполна, либо, наоборот, чрезмерна. Само ее наличие указывает на разрушенное равновесие, на то, что действие правительства в отношении общества оказывается либо недостаточным, либо избыточным. Правительство, как уже говорилось, всегда защищается против натиска того принципа индивидуальной свободы, который грозит гибелью обществу как целому, но, вместе с тем, неотъемлемо присущ каждому человеку (Доносо Кортес, Василенко, 2015b: 33–35 и сл.). Поэтому, если действия правительства оказываются чрезмерными, оно подавляет закон индивида и устанавливает тиранию; если, напротив, правительство оказывается слабым и довольствуется полумерами, закон индивида берет верх над законом ассоциации, вследствие чего общество рассыпается. В обоих случаях неизбежно зарождается реакция, принимающая вид либо революционного разрушения, либо, напротив, новой волны созидания. В этом смысле вся история Европы «от разрушения Римской империи и до XIX века является историей ее социальных и политических реакций» (Доносо Кортес, Василенко и Марей, 2015а: 88).

Реакция, таким образом, оказывается сама по себе действием, но действием несовершенным. Ее цель состоит в том, чтобы дополнить собой неполное действие, либо, напротив, прекратить действие избыточное. Выражаясь словами А. Ф. Филиппова, можно сказать, что «реакция претендует на точность, на понимание ограниченности горизонта планирования действий ее противниками, но у нее нет собственного горизонта планирования, она не имеет руководящей идеи и зависит от чужой повестки» (Филиппов, 2017).

Наконец, обратимся к теме деспотизма. На первый взгляд может показаться, что Доносо Кортес не формулирует своей теории деспотизма, ограничиваясь лишь последовательной критикой концепций Платона и Л. Г. А. де Бональда. Однако это все же не так. Свой анализ Платона, а затем и Бональда («долгого эха Платона», по его словам) Кортес начинает с выявления у каждого из них троичной системы координат, на которой покоится вся выстроенная ими социально-политическая модель.

В случае с Платоном, что естественно, это — разум, мужество и страсти, уподобляемые Кортесом магистратам, воинам и народу. У Бональда все оказывается несколько сложнее, и для того, чтобы разобраться в его теории, Доносо Кортесу приходится прибегать не только к метафизике и политике, но также и к религии. В метафизическом плане троичная система Бональда складывается из причины, средства и следствия, причем из этих трех наиболее ценной является причина, а наименее — следствие. Отражением этой триады в политике являются власть как причина, ее служители (министры) как средство, и подданные (то есть народ) как следствие. К этим двум планам, как уже было сказано, Доносо Кортес, вслед за Бональдом, добавляет план религиозный, в котором место причины отводится Богу Отцу, место же следствия — природе осязаемого мира. Вакантным остается место средства, которое в конечном итоге атрибутируется Иисусу Христу «как универсальному средству, охватывающему их».

Троичность предлагаемых оснований позволяет Бональду выстроить почти идеальную картину общества, его социальной и политической жизни, и Доносо Кортес по сути ей практически не возражает. Она прекрасно встраивается в его собственную социально-политическую теорию — за исключением лишь одного фактора, к которому мы сейчас и перейдем.

Как уже говорилось, всякий человек, согласно Доносо Кортесу, обладает от природы двумя неотъемлемыми атрибутами — разумом и свободой. Человеческая природа оказывается двойственной и изначально включающей в себя глубинное противоречие: как существо разумное, человек понимает, что одному ему не выжить, но, как существо свободное, признает только свое право на природу и свои обязанности перед Богом. Эта двойственность отражается в двух фундаментальных законах человеческого бытия, которые Кортес определяет как «закон индивида/свободы» и «закон общества/ассоциации». Социально-политические конструкции, предложенные Платоном и Бональдом, устраивают Кортеса с точки зрения их стабильности и удобства. Возражения у него вызывает другое, что и позволяет определить суть деспотизма в его теории.

Как Платон, так и Бональд предлагают стабильные конструкции, где интересы индивида оказываются надежно принесены в жертву интересам целого, и где, говоря словами Доносо Кортеса, «закон свободы» уничтожен «законом ассоциации». Иначе говоря, в обеих этих конструкциях не остается центростремительного движения, противостояние которому, как говорилось ранее, и представляет собой суть любого правления,

его *действие*. Если правительству нечего сдерживать, поскольку индивидуального действия не остается, оно, что естественно, переходит к активным действиям, пусть даже и созидающего характера, закрепляя сложившуюся ситуацию и устанавливая покой. Деспотизм в теории Доносо Кортеса — это состояние политического, а точнее, *полицейского* покоя. Именно этим объясняется эмоциональный призыв, завершающий третью лекцию, которую мы предлагаем сегодня вниманию читателей. «Просите для деспотизма — реакций!», — восклицает Доносо Кортес. Испанский философ призывает не к революции, но — и это важно — к восстановлению нормального режима действия, или, точнее, *взаимодействия*, в рамках которого правительство сможет вернуться к штатной охранительной деятельности, не переступая опасного порога.

А. В. Марей, к. ю. н., доц. (НИУ ВШЭ)

Хуан Доносо Кортес

ТЕОРИЯ ДЕСПОТИЗМА*

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ ИЗ ЦИКЛА «ЛЕКЦИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПРАВУ»,
ПРОЧИТАННАЯ В МАДРИДСКОМ АТЕНЕО 6 ДЕКАВРЯ 1836 Г.

Господа!

Проанализировав уже в рамках догмы народного суверенитета принцип закона индивида — или, что то же самое, человеческой свободы — доведенный до крайности, сегодня и в следующий вторник мы разберем закон ассоциации — или, что то же самое, принцип субординации и гармонии — также доведенный до крайности, то есть до абсурда, до невозможного. Ведь абсурдное или невозможное представляют последний предел любого принципа поглощения или разложения, возведенного в крайнюю степень.

Этот разбор необходим, чтобы понять подлинный дух и социальную направленность представительного правления, и необходим он по трем веским причинам. Во-первых, для того, чтобы познать его¹, его необходимо ограничить, отделить от всего того, что ему чуждо, от всего

*© Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: Ю. В. Василенко, под ред. А. В. Марей. Оригинал: *Donoso Cortés J. Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección tercera. 6 de diciembre de 1836. Teoría del despotismo // Obras de Don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. En 4 vols. Vol. III. — Madrid : Casa Editorial de San Francisco de Sales, 1904. — P. 175–189.*

¹Подлинный дух представительного правления. — *Прим. лит. ред.*

того, что отвергается им, не относится к нему: одним словом, чтобы познать, чем он является, необходимо познать прежде, чем он не является. Во-вторых, в историческом смысле, представительное правительство — последнее из появившихся в этом мире, и едва ли можно будет познать, какова должна быть его направленность, если мы не исследуем прежде проблемы, которые остальные правительства оставили без решения, и социальные потребности, которые они оставили без удовлетворения. И, наконец, в-третьих, потому, что, будучи последним, кто предъявил свои права на господство над обществом, оно² в философском смысле представляет собой логический результат реакционных правительств, предшествовавших ему в истории.

В связи с этим я сделаю здесь одно важное наблюдение. Любая реакция есть истина преувеличенная или неполная. Представительное правление не предполагает открытия новых социальных элементов, новых принципов организации: все возможные принципы, все элементы существуют с тех пор, как существует человек и общество, содержащие их в себе. В этом смысле можно повторить вечную мудрость: *Nihil sub sole novum*³; и, следовательно, можно сказать также, что и представительное правление не является новым. Однако если социальные элементы вечны, они могут сопрягаться разными, бесконечно разнообразными способами — и в этом смысле представительное правление является новым, потому что предлагает новую комбинацию социальных элементов.

Если это так, то представительное правление не может освободиться от прошлого, ведь первое условие любого правительства — быть возможным, а прошлое включает все возможное в самом себе. Раз подобное освобождение невозможно, представительное правительство будет требовать свое наследство. Будучи же наследником всех социальных и политических реакций, которые боролись за господство над миром на полях великих сражений, представительное правление должно будет объединить все распыленные истины, дополнить неполные и поставить предел преувеличенным. В теории деспотизма сквозь зловещую пелену, которая ее покрывает, просматривается идея власти величественной и возвышенной. И в самой глубине демагогической реакции, сквозь окровавленное покрывало, прячущее ее, видна статуя свободы — блистательной, бесхитростной и чистой. Посмотрите, господа,

²Представительное правительство. — *Прим. лит. ред.*

³Еккл. 1:9: «Нет ничего нового под солнцем». — *Прим. данного издания: Donoso Cortés, 1904.*

сколь необходимо изучать прошлое, чтобы понимать настоящее, которое его продолжает и дополняет, и сколь необходимо изучать принципы, поглощающие человека и разлагающие ассоциацию, чтобы понять, как сильная власть возникает в свободном и независимом обществе.

Деспотические правительства — или, что то же самое, те, при которых закон индивида был принесен в жертву закону ассоциации, свобода — власти, независимость — субординации и гармонии, — были описаны философами и реализованы в истории. Сегодня мы рассмотрим их в теории, а в следующий вторник будем изучать их развитие и прогресс в человеческих обществах.

Восток, господа, для нас — загадка: вечная ночь покрывает политическую, религиозную и общественную мысль тех огромных пространств, на которых таинственным образом зародился человеческий род. Восток, подобно божеству, раскрывается лишь посредством ощутимых феноменов, которые он оставил в истории. Но истинное, глубинное мышление этой цивилизации остается молчаливым, сокрытым и неподвижным, свободным от исследования людей под покровом темноты своих храмов. Каста священников — вот та священная фаланга, которая защищает его крепость от приближения непосвященных. Догма Востока в том, что истина своим божественным светом убивает смотрящего на нее. Могут лицезреть ее, не умирая, лишь те, кто посвящен в его священные мистерии, однако посвящение, которое позволяет им пить из потоков мудрости, делает их немыми. Философы там разговаривают с божеством, но не с людьми. И потому мы откажемся от поисков теории восточного государства в египетской или индийской философии.

Философ, который сформулировал эту теорию, родился не на берегах Ганга или Нила, а в демократических Афинах. Путешественник, как все великие люди Античности, Платон посетил Грецию, Италию и Египет. Желая оставить миру свидетельство своего гения, он написал четыре диалога под названиями «Горгий», «Законы», «Государство» и «Политик»⁴, которые содержат его социально-политическое учение. Учение, господа, более смелое, чем все, что было до него. Без сомнения, не все идеи, образующие его учение, зародились в уме Платона. Сократ научил его, что есть Бог, а ученики Пифагора смогли передать ему восточные традиции, о которых они узнали из уст

⁴В оригинальном тексте диалоги названы: *Gorgias, Leyes, Republica, Politica*. Можно с уверенностью утверждать, что под последним Доносо Кортес имел в виду диалог «Политик», и здесь мы имеем дело с ошибкой корректора. — *Прим. ред.*

своего учителя. Однако величественное единство его теории является его собственной заслугой, как и вдохновение, наполняющее и украшающее ее. И, прежде всего, господя, именно ему принадлежит дерзость бороться с духом Греции и своего века.

Посреди греческого политеизма Платон провозглашает единство Бога, посреди самой неугомонной демократии ищет короля, чтобы надеть на него корону. Среди абсолютного триумфа закона индивида он провозглашает закон ассоциации. В среде, возносящей свободу, он воспевает сильную власть, посреди индивидуализма прославляет социальное единство. И когда, наконец, он обрел социальное и политическое единство, он поднимается на крыльях своего гения, чтобы абсорбировать их и раствориться самому в лоне единства религиозного. Никогда ни один человек не боролся так смело с принятыми идеями. Давайте кратко посмотрим, почему не могло быть иначе, как это прослеживается в его учении.

Гений Платона, слишком широкий для того, чтобы удовольствоваться неполным наблюдением за миром следствий, хотел изучить мир причин, в котором те имеют свое начало, и установить отношение, которое их единит, и единство, устанавливаемое их законом. Он был первым философом в мире, который в единстве Бога нашел постоянную троичность. Это открытие принесло ему в Средние века титул христианского философа и стало причиной того, что в александрийской школе христианство обвиняется в плагиате доктрины Платона. Без сомнения, господя, вы охотно простите меня, если я не последую за Платоном в темные сферы мрачной метафизики, бесполезной для нас. Для моей цели достаточным будет сказать, что установленная им божественная троичность послужила ему для объяснения мира как отражения Бога, человека — как отражения мира и общества — как отражения человека. Как раз последним из этих тезисов мы сейчас и займемся.

Когда государство⁵ является совершенным? Согласно Платону, оно

⁵В испанском тексте здесь и далее Доносо Кортес употребляет термин *república*. Мы передаем его русским понятием «государство», поскольку очевидно, что здесь испанский философ анализирует концепцию Платона, изложенную в его одноименном диалоге. Однако нельзя забывать, что оригинальном тексте Платона в виду имелся полис, не имевший практически ничего общего ни с республикой, ни с государством. Подмена категорий, возникшая при переводах греческих философских текстов на латынь и происходящие от нее романские языки, и последствия этой перемены для политической философии латинского Запада представляют собой исключительно интересный предмет, достойный отдельного исследования в области истории философии и истории понятий. В данной лекции это видно особенно ярко: под пером Доносо Кортеса в диалоге Платона *полис* трансформируется в *республику*, философы становятся *магистратами* и, наконец,

совершенно всегда, когда является отражением совершенного человека. Когда же совершенен человек? Он совершенен, когда разум в нем правит как господин, мужество защищает его, а страсти повинуются ему как рабыни. Следовательно, общество будет совершенным, когда оно будет управляться разумом, защищаться мужеством и повелевать страстями. Разумом оно будет управляться всегда, когда им будут править наиболее умные, то есть всегда, когда философы будут правителями — теми, кого Платон называет *магистратами*. Мужество будет защищать его всегда, пока будет существовать класс, чья миссия будет состоять исключительно в том, чтобы повиноваться и сражаться, — его Платон называет классом воинов. Наконец, общество будет повелевать страстями всегда, пока народ, представитель страстей в обществе, не будет допущен ни к одной публичной должности, но будет молчать и подчиняться. Господа, государство, описанное этим философом, по-моему, является пантеоном человеческого рода.

Мы уже познакомились с социальной троичностью Платона: ее образуют магистраты, воины и народ, которые отражают разум, мужество и страсти, образующие троичность человека. последуем за философом в негибкости его логики.

Так как даже самое незначительное вторжение воинов в управление или народа в дело защиты общества могло бы разрушить гармонию его государства, Платон забирает у домашних очагов образование, этот главный моральный инструмент древних обществ, и передает его Государству⁶. Оно же для того, чтобы воздвигнуть непреодолимую стену между классами, составляющими его организм, будет давать одинаковое образование индивидам одного и того же класса, но разное — каждому классу общества: класс магистратов будет учиться править, класс воинов — сражаться, класс народа — обрабатывать землю и повиноваться. Тот факт, что Платон возводит в статус теории необратимое разделение различных социальных функций, столь характерное для восточных правительств, показывает, кстати, насколько ошибаются те,

вместо третьей социальной страты, т. е. ремесленников и земледельцев, здесь появляется *народ*. — Прим. ред.

⁶Здесь в оригинальном тексте стоит термин *Estado*. Представляется, что Доносо Кортес использовал его, чтобы указать на государство не как на *совокупность граждан* (для чего ему служит понятие *república*), но как на *властные структуры* — то, что в современной теории называется аппаратом управления. Вместе с тем очевидно, что понятие *república* для Доносо Кортеса во-многом синонимично понятию *sociedad* — «общество». — Прим. ред.

кто полагает, что Платон, описывая свое государство, имел всегда перед собой в качестве модели Спарту. Платон, господа, пошел много дальше, и, когда писал, он направлял свои взоры на Восток. Продолжим.

Поэты своими песнями унижают божественность, приумножая ее, а также превозносят и питают страсти; их влияние на государство должно быть развращающим, потому что их непреодолимое стремление состоит в том, чтобы возвысить народ и принизить магистраты. Несгибаемый Платон изгоняет любой вид поэзии, которая не воспеваает высокую идею героев или богов. То есть он, будучи революционером для своего времени, осмелился изгнать из своего государства Гомера и, поступив таким образом, пожертвовал греческим гением гению восточному. Он протестовал против побед при Марафоне, Платеях и Саламине, осудил победителя и возложил диадему на чело побежденного; о нем как о Катоне можно было бы сказать: *Victrix causa deï placuit, sed victa Platonî*⁷.

В конце концов, не удовлетворенный тем, что создал вечную аристократию, которая могла бы стать гарантией вечности его государства, он душит человеческую индивидуальность, разрушая собственность и уничтожая семью. Частные интересы могли бы прийти в противоречие с всеобщим, и, чтобы этот конфликт не возникал, все блага объявляются собственностью государства⁸. Домашние привязанности могли бы лишить государство эксклюзивной привязанности граждан, которые во имя ее должны принести себя в жертву; чтобы этого не случилось, все граждане будут сыновьями исключительно государства. С рождения отлучат их от материнской груди, и для того, чтобы те не смогли распознать их после, они будут, подобно стаду овец, вскармливать без разбора всех сыновей государства⁹. Я вижу здесь общество, но где находится человек? Платон и его изгнал из своего государства.

Этот философ не принадлежит Греции, он принадлежит восточной цивилизации, — это египетская статуя, помещенная в Парфенон. Любой сказал бы, что это — путешественник, который, странствуя по чужим краям, вступил заносчиво в город Минервы и, увидев, что там человек

⁷ «Дело победителей было угодно Богам, но дело побежденных — Платону», — перефразированная строчка из поэмы римского поэта Марка Аннея Лукана «Фарсалия», посвященной гражданской войне между Гаем Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем (49-47 гг. до н. э.). — *Прим. ред.*

⁸ В оригинале — *Estado*. — *Прим. ред.*

⁹ В оригинале — *Estado*. — *Прим. ред.*

подобен богу, а божество — человеку, почувствовал в сердце своем возвышенное воспоминание о божестве, хранившем его детство и ведущем величественное существование в святилищах Саиса¹⁰.

Платон, господа, не понимал ни сути общества, ни природы человека. Он не понимал сути общества, потому что видел в нем лишь власть, которая существует, но которая существует не одна. Не понимал природы человека, потому что видел в ней только разум, который, действительно, существует в ней, но не конституирует ее. Человек есть существо разумное — но прежде всего, это существо свободное. Ведь если как существо разумное он похож на божество, и как существо организованное — на мир, который его окружает, то как существо свободное он похож только на самого себя. Не зная об элементе свободы в человеке, Платон не смог допустить его и в конституции своего государства. Поэтому одновременно с тем, что он мечтал о власти, вооруженной всяким оружием, и дал ей в руки уничтожающий луч, он не предоставил индивидам даже щита, чтобы защищаться.

Таким образом, система Платона не то чтобы ложная, но неполная. Однако ошибки уходят, а истины образуют наследие человеческого рода. Представительное правительство, наделенное сильной способностью к освоению, присвоит и освоит все неполные истины, порожденные веками, с тем, чтобы дополнить их.

Если среди философов Античности только Платон мог раскрыть нам политическое, социальное и религиозное учение Востока, то среди философов Европы наших дней имеется множество тех, кто может преподать нам, как вести жертву на алтарь и как жертвовать правами народов божественному праву королей. Среди них Бональд¹¹, возможно, стал тем, кто сформулировал наиболее полную, логичную и непротиворечивую теорию деспотизма. Если к этому добавить, что он лучше остальных отражает Платона, то вы не удивитесь, что именно им я сейчас и займусь.

¹⁰Саис (Са-эль-Хагар) — город в западной дельте Нила, столица пятого нома Нижнего Египта. Центр культа богини Нейт, посещавшийся, согласно традиции, Платоном и некоторыми другими греческими мыслителями. Руины Саиса были подробно описаны в материалах египетской экспедиции Наполеона Бонапарта, а затем, в 1828 г., — Франсуа Шампольоном. Можно предположить, что Доносо Кортес был знаком с этим описанием. — *Прим. ред.*

¹¹Бональд, Луи-Габриель-Амбруаз, виконт де (1754–1840) — французский публицист, политик, философ, один из наиболее ярких представителей традиционализма. Среди его работ выделяются «Теория политической и религиозной власти» (1796), о которой, по всей видимости, и говорит здесь Доносо Кортес. — *Прим. ред.*

Бональд, как и Платон, чтобы объяснить общество и человека, прибегает к метафизической троичности, включающей их в себя. Согласно ему, наиболее общей является формула причины, средства и следствия — она охватывает всех существ и объясняет все феномены и категории. Из этого выводится другая, такая же всеобщая по сути: любая причина относится к средству так, как средство относится к следствию. То есть причина влияет на средство, чтобы его детерминировать, как средство влияет на следствие, чтобы его произвести. Бог есть причина наиболее всеобщая и абсолютная, а природа со всеми ее явлениями есть наиболее универсальное и абсолютное следствие. Среди древних наций только еврейская имела идею причины¹² — то есть идею Бога. Греческое и римское общества имели лишь идею универсальности следствий, но не Бога, который является их причиной. Поэтому, по словам Бональда, еврейское общество является наиболее прочно сложенным среди всех остальных. Чтобы доказать это, он ссылается на чудесное существование еврейского народа, видевшего человеческие общества, проходящие перед ним подобно пару, растворяющемуся в воздухе, в то время как только он наделен бессмертием, потому что поклоняется Богу в скинии и живет, несломленный несчастьями, неколебимый бурями, недвижимый революциями.

Греко-римское общество является для иудейского тем же, чем иудейское является для христианского. Ведь если первое знало только следствие, то есть физическую природу, а второе — следствие и причину, то есть физическую природу и Бога, последнее, познав Бога и природу, познало также и Иисуса Христа как универсальное средство, охватывающее их. С тех пор истина явлена человеку без покровов и человеческий род знает столько, сколько нужно знать, и ждет всего того, чего следует ждать.

Христианское общество является более совершенным, чем общества античности, не только потому, что лишь оно одно познало Иисуса Христа, но также и потому, что познало его лучше, чем иудейское — Бога, и лучше, чем греческое и римское — человека. Бога и человека оно познало лучше потому, что античность, не имея промежуточного термина, который бы связал величие первого с малостью второго, не могла иметь основательную идею о вечных и неизменных отношениях, которые их

¹²В этой фразе и в нескольких последующих опять обращает на себя внимание словопотребление Доносо Кортеса. Он отождествляет понятия «нация» (*nación*) и «общество» (*sociedad*). — *Прим. ред.*

соединяют, тогда как христианское общество, познав Иисуса Христа, который, будучи причастным природе как следствия, так и причины, был высшим представителем и божества, и человеческого рода, увидело объединенными в одной точке два полюса нравственного мира и, благодаря чудесному замыслу, обрело знание законов, которые их соединяют. Посмотрим, как Бональд конституирует общества с этими принципами.

Прежде всего, он отказывает человеку в праве и власти создавать философию и конституцию и отрицает, что различные общества должны быть управляемы различными конституциями. Единой является истина, един человеческий род, едина конституция, свойственная и исключительно подходящая ему. Несчастен век, который изобретает конституции и вводит инновации в вопросы долга! В морали любое учение, не столь же древнее, как человек, ошибочно; в политике любая конституция, не реализующая в обществе троичность причины, средства и следствия или сотрясающая необходимые отношения, существующие между этими роковыми терминами, является эфемерной и должна быть развеяна поднимающимся ветром.

Как реализуется в человеке эта необходимая троичность? Посредством разума, который его направляет, посредством органов, которые ему служат, и посредством предметов, по отношению к которым органы проявляют себя. Как она реализуется в обществе? Это происходит благодаря трем лицам, конституирующим ее: власть, то есть причина, служитель, то есть средство, и подданный, то есть следствие. В домашнем общении¹³ отец является причиной, то есть властью, мать является следствием, то есть служителем, сын — следствием, то есть подданным. В публичном общении¹⁴ король является причиной, то есть властью, знать, дающая магистратов или воинов, — средством, то есть служителем, народ — следствием, то есть подданным. В религиозном общении¹⁵ Иисус Христос является властью, священник — служителем, христианский народ — подданным.

Такова первичная, необходимая, неизменная и вечная конституция Бональда. Как искажается эта конституция? Она искажается всегда, когда устраняется какое-либо из необходимых лиц или изменяются их отношения, также необходимые. Конституция человека искажается

¹³В оригинале — *sociedad doméstica*. — Прим. ред.

¹⁴В оригинале — *sociedad pública*. — Прим. ред.

¹⁵В оригинале — *sociedad religiosa*. — Прим. ред.

всегда, когда вместо того, чтобы рассматривать его как разум, обслуживаемый органами, его трактуют как организм, наделенный разумом. Ведь тогда суверенитет с его разума, который является причиной, или властью, переносится на телесную организацию, которая является средством, или служителем. Конституция домашнего общения искажается всегда, когда разрешен развод, потому что при нем устраняется одно из необходимых лиц в общении, и всегда, когда утверждается, что сын ничего не должен отцу после того, как повзрослеет, поскольку при устранении подданного устраняется также и общение. Публичное общение искажается всегда, когда на власть, то есть на суверена, налагают обязательства, и всегда, когда устраняют служителя, то есть патрициат, или знать. Религиозное общение искажается пресвитерианством, которое, не рукополагая своих служителей, тем самым уничтожает их. Наконец, естественная конституция всех существ искажается, когда, путая причину со следствием, отрицают существование Бога или путают его с существованием мира.

Напротив, первоначальная и естественная конституция сохраняется всегда, когда Бог рассматривается как причина, Иисус Христос — как средство, мироздание — как следствие. Конституция религиозного общения будет в сохранности, пока будет существовать рукоположение служителей, вечно связывающее их с божеством с одной стороны и с верными — с другой. Конституция публичного общения будет в сохранности при отсутствии народных институций. Конституция домашнего общения сохранится, пока нерушимость брака будет священна, а сыновья будут вечно связаны узами долга со своими отцами. В конце концов, естественная конституция человека будет таковой всегда, пока она будет определяться как «разум, обслуживаемый телом».

Вы уже видите, господа, что Бональд — это долгое эхо Платона. Магистраты, воины и народ легко передаются как власть, служитель и подданный. Разум, мужество и страсти могут также быть истолкованы как разум, органы и действие. Деспотизм всегда однообразен, ведь его законом является неподвижность; «измениться» означает для него «умереть»: всегда, когда он изменяется, это ведет к вырождению, всегда, когда он движется, он движется в сторону кладбища, и каждый раз, когда он делает шаг в направлении кладбища, свобода делает шаг к трону.

Установив три социальных лица, посмотрим, как они движутся и каковы условия их вечности. Власть, согласно Бональду, является сущностью, желающей сохранения общества и работающей ради этого. Воля власти называется законом, действие — правлением. Любит власть

лишь самое себя, работает посредством своих служителей, которые служат¹⁶ для разъяснения воли власти и для проведения ее действий по отношению к подданным. Таким образом создается общее благо, которое должно быть пределом для воли власти и для отправления публичного служения.

Прежде чем пойти дальше, позвольте мне сделать одно наблюдение. Если власть и публичное служение являются средствами, по утверждению Бональда, а общее благо является целью, то лишь последнее является необходимым; первые же должны претерпевать изменения, необходимые для его реализации, ведь только для этого они и существуют. Их существование является необходимым, так как без них всеобщее благо не сможет реализоваться. Однако сам Бональд признает в другом месте, что власть может находиться в руках притеснителей и публичное служение — в руках падших людей. Если это будет так, то общее благо как единственное необходимое по сути своей не сможет реализоваться без риска для людей, работающих на него, ведь оно подразумевает одновременно и счастье подданных, и очищение власти и публичного служения. Бональд, без всякого сомнения, даже не предполагал, что подобными своими построениями он санкционировал вмешательство народа — то есть подданного — в волю и в действия власти, которую он сделал всемогущей.

Так как малейшее изменение в политическом законе государства¹⁷ исказило бы его, Бональд, чтобы закрепить его навеки, хочет, чтобы власть была едина, чтобы принадлежала мужчине на условиях вечного права собственности, потому что только так ее существование является застрахованным и ее независимость является истинной. Он хочет, чтобы публичное служение было неотчуждаемым достоянием одной корпорации, потому что только корпорации не умирают. Этой корпорацией является знать. Знать должна быть собственником не только потому, что так она будет независима, но также потому, что при переходе из домашнего состояния, в котором подданный работает только на себя, в состояние публичное, в котором люди работают только чтобы служить государству¹⁸, она не смогла бы реализовать свою миссию, если бы, будучи обделена дарами фортуны, она должна была бы думать о себе

¹⁶В оригинале — *ministrant*. — Прим. ред.

¹⁷В оригинале — *Estado*. — Прим. ред.

¹⁸В оригинале — *Estado*. — Прим. ред.

самой прежде чем о спасении своей родины. Форум должен быть местом обитания знати. Лишь подданные пусть остаются привязанными к своим домашним очагам.

Дабы в обществе не было бы никакого элемента силы на службе человеческой свободы, образование будет публичным, единым, всеобщим и вечным. Его будет распределять государство¹⁹ при помощи религиозной корпорации, так как лишь последняя сохраняет общий фонд идей и традиций и, будучи связанной обетами и жертвоприношениями, может обучать, на своем примере, практическим обязанностям. Только иезуиты, согласно Бональду, совмещают в себе все условия, необходимые для того, чтобы нести столь тяжкий груз прилежно и в полной мере. Их изгнание, по его мнению, стало общественным бедствием и невосполнимой утратой.

Наконец, устроив общество, Бональд устанавливает теорию ответственности власти следующим образом. Власть в домашнем общении, то есть отец, будет отвечать за свои действия только перед публичной властью, то есть перед монархом, последний же будет отвечать за свои действия только перед Богом — единственной властью, которая имеет право судить общественные власти, потому что является единственным, кто держит в своей руке сердца королей²⁰.

Так, господа, Бональд украл у человека все, кроме разве что его надежды, неподвластной ни господству философов, ни воле тиранов. Бональд, как и Платон, не познал организм общества, спутав идею власти, саму по себе благую и необходимую, с практической властью, которая нуждается в ограничениях, если не хочет выродиться в ужасную тиранию. Он не познал его, потому что хочет привязать общество к земле, тогда как его судьба — идти вперед, подобно знатному воину, который никогда не отдыхает, к завоеванию цивилизации и человеческому совершенствованию. Он его не познал, сделав из общества неподвижное озеро, не зная, что неподвижность — это смерть. Порядок царит в его обществе, как он царит в Варшаве, как он царит на кладбище: порядок в Варшаве и порядок на кладбище не есть порядок, но тишина²¹. И если

¹⁹В оригинале — *Estado*. — *Прим. ред.*

²⁰Доносо Кортес отсылает слушателей к книге Притч Соломоновых. Ср.: Притч. 21:1: «Сердце царя в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его». — *Прим. ред.*

²¹Речь идет о ситуации в Варшаве и в Царстве Польском в целом после подавления восстания 1830–1831 гг. В ходе восстания император Николай I, являвший конституционным королем (в русской номенклатуре — царем) польским, был детронизирован (25.01.1831).

эта тишина вдруг будет прервана, это будет определенно не легким бризом реформ, но ужасным ураганом революций. Нет ничего более пугающего, господа, чем молчание народа, которое всегда есть примета несчастий. Когда весь народ молчит, внимательно прислушайтесь — и вы услышите грядущий его взрыв и всхлипы его жертв.

Я не закончу, господа, не сделав одно важное наблюдение. Когда Бональд писал, французская революция уже напугала мир своими преступлениями. Когда Платон, сосредоточив свой взор на пирамидах, кладбище королей, закладывая основания своего государства, этой великой могилы человеческой свободы, он уже видел неудачи своих поездок на Сицилию, был свидетелем излишеств народа, неконтролируемого роста демократии, способствовавшей возвышению высокомерного и аморального юнца, приведшего ее к пропасти после того, как осквернил ее храмы и разрушил статуи ее богов. Он был свидетелем смерти праведника и безразличия народа, мученичества Сократа и преступления Афин. Вы правда считаете, господа, что книги Платона и Бональда являются чем-либо иным, кроме как криком протеста, реакцией несправедливой, как и все реакции против излишеств толпы? Вы серьезно думаете, что в этой ужасной схожести человеческих событий не заключается ужасный урок?

Господа, нужно усилие, чтобы признать: разум нам диктует и история нас учит, что любая власть — как народов, так и королей — заканчивает самоубийством. Когда во имя свободы провозглашается террор, а во имя народа требуют остракизма, разум отворачивается от этого проклятого занятия и оставляет брошенное общество на милость варваров. Тогда сомнение, этот маразм нравственного мира, овладевает некоторыми умами, которые, будучи наделенными не очень крепкой верой в способность человека к совершенствованию, не верят в свободу,

После подавления восстания Николай I официально заявил, что огнь владеет Царством Польским «по праву завоевания» и не связан конституционными обязательствами. Конституция 1815 г. была отменена, взамен ее принят «Органический статут» (1832), наместником назначен кн. И. Ф. Паскевич (1831–1856) с диктаторскими полномочиями, в центре Варшавы воздвигнута Александровская цитадель, ставшая символом русского военного присутствия: существовавшая до этого польская армия была ликвидирована. Восстание 1830–1831 гг. получило широкую поддержку в Западной Европе, причем как среди революционных и либеральных кругов — в первую очередь во Франции и Великобритании, — так и во многом в католических консервативных кругах. Для европейского общественного мнения эти события и реакция на последующие репрессии в отношении Царства Польского стали рубежными в формировании характерного для 1830–1840-х гг. негативного образа Российской империи. — *Прим. ред.*

потому что видят ее в момент затмения и, находясь в поиске новой веры и новых убеждений, более стойких и более крепких, находят их у подножия алтарей и в божественном праве. Эта ситуация ужасна, господа. Развод между свободой и разумом — это святотатство, так же как и брак между разумом и деспотизмом, между свободой и анархией, является профанацией. Разум без свободы является бесплодным, свобода без разума слабеет и умирает. Хотите, чтобы они жили вместе, — устраните скандалы, всегда способствующие их разводу. Хотите, чтобы деспотизм был невозможным? Хотите, чтобы свобода жила и обладала вечной молодостью? Просите у небес для деспотизма реакций, для свободы — умеренности, для деспотизма — излишеств, для свободы — справедливости, ибо только справедливость и умеренность имеют будущее. Излишества и реакции его не имеют.

ЛИТЕРАТУРА

- Доносо Кортес Х.* Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео. Лекция вторая (29 ноября 1836 г.): О народном суверенитете / пер. с исп. Ю. В. Василенко, А. В. Марья // Социологическое обозрение / под ред. А. В. Марья. — 2015а. — Т. 14, № 3. — С. 80–92.
- Доносо Кортес Х.* Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео. Лекция первая (22 ноября 1836 г.): Об обществе и правительстве / пер. с исп. Ю. В. Василенко // Социологическое обозрение. — 2015б. — Т. 14, № 2. — С. 31–40.
- Старобинский Ж.* Действие и реакция. Жизнь и приключения одной пары / пер. с фр. А. В. Шестакова. — СПб. : Владимир Даль, 2008.
- Филлипов А. Ф.* Честь и слава в социальной теории. — 2017. — URL: <http://gifter.ru/archive/21675> (дата обр. 09.05.2017).
- Donoso Cortés J.* Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección tercera. 6 de diciembre de 1836. Teoría del despotismo // Obras de Don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas. En 4 vols. Vol. III. — Madrid : Casa Editorial de San Francisco de Sales, 1904. — P. 175–189.
- Negro Pavón D.* Historia de las formas del Estado. Una introducción. — Madrid : Buey mudo, 2010.

Donoso Kortes, Kh. [Donoso Cortés, J.] 2017. “Teoriya despotizma [The Theory of Despotism]: tret’ya leksiya iz tsikla ‘Lektsii po politicheskomu pravu’, pročitannaya v Madridskom Ateneo 6 dekabrya 1836 g. [Third Lecture from ‘Lectures on Political Right’ Delivered at the Ateneo of Madrid on the 6th of December, 1836]” [in Russian], trans. from the Spanish by Yu. V. Vasilenko. Ed. by A. V. Marey. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (2), 136–155.

JUAN DONOSO CORTÉS

THE THEORY OF DESPOTISM

THIRD LECTURE FROM “LECTURES ON POLITICAL RIGHT” DELIVERED AT
THE ATENEO OF MADRID ON THE 6TH OF DECEMBER, 1836

Translation of: Donoso Cortés, J. 1904. “Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección tercera. 6 de diciembre de 1836. Teoría del despotismo” [in Spanish]. In vol. III of *Obras de Don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas*, 175–189. 4 vols. Madrid: Casa Editorial de San Francisco de Sales.

REFERENCES

- Donoso Cortés, J. 1904. “Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección tercera. 6 de diciembre de 1836. Teoría del despotismo” [in Spanish]. In vol. III of *Obras de Don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas*, 175–189. 4 vols. Madrid: Casa Editorial de San Francisco de Sales.
- Donoso Kortes, Kh. [Donoso Cortés, J.] 2015a. “Lektsii po politicheskomu pravu, pročitannyye v Madridskom Ateneo. Lektsiya pervaya (22 noyabrya 1836 g.): Ob obshchestve i pravitel'stve [Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección primera. 22 de noviembre de 1836. De la sociedad y del gobierno]” [in Russian], trans. from the Spanish by Yu. V. Vasilenko. *Sotsiologicheskoye obozreniye* 14 (2): 31–40.
- . 2015b. “Lektsii po politicheskomu pravu, pročitannyye v Madridskom Ateneo. Lektsiya vtoraya (29 noyabrya 1836 g.): O narodnom suverenitete [Lecciones de derecho político, pronunciadas en el Ateneo de Madrid. Lección segunda. 29 de noviembre de 1836. De la soberanía del pueblo]” [in Russian], ed. by A. V. Marey. Trans. from the Spanish by Yu. V. Vasilenko and A. V. Marey. *Sotsiologicheskoye obozreniye* 14 (3): 80–92.
- Filippov, A. F. 2017. “Devyat’ tezisov o reaktsii [Nine Theses on Reaction]” [in Russian]. Accessed 2017-06-03. <http://gefter.ru/archive/22074>.
- Negro Pavón, D. 2010. *Historia de las formas del Estado. Una introducción* [in Spanish]. Madrid: Buey mudo.
- Starobinskiy, Zh. [Starobinski, J.] 2008. *Deystviye i reaktsiya. Zhizn' i prikluycheniya odnoy pary [Action et Réaction. Vie et aventures d'un couple]* [in Russian]. Trans. from the French by A. V. Shestakov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal’.